

летия, т. е. на следующем этапе развития армянской архитектуры, но тенденция архитектурного развития ясно проявилась уже в V в. Различна, наконец, и форма выступающей апсиды армянских базилик V в. — пятигранная, в то время как в сирийских базиликах она обычно полукруглая и лишь изредка трехгранная.

Однонефные армянские храмы также имеют выразительные отличия. Во-первых, многие из них уже в V в. по примеру трехнефных базилик перекрывались полуциркульным сводом, на что могут указывать пристенные пилястры, на которые опирались подпружные арки свода ⁷⁸. Во-вторых, однонефные храмы Армении редко сопровождаются галереями, обычными у однонефных храмов Сирии. В-третьих, среди наличных однонефных храмов Армении неизвестны постройки с прямоугольным алтарем, а если такие и были, но не сохранились, то, во всяком случае, эта форма не имела здесь, как говорилось, широкого распространения.

Различия декоративной разработки фасадов и характера декора храмов Сирии и Армении рассматривались выше.

Мы можем сказать, что в Армении в раннее средневековье — в эпоху утверждения христианства — имело место не только влияние монументальной архитектуры Сирии (а может быть, и Палестины), а иногда и прямой перенос форм, шедших в Армению (преимущественно из Северной Сирии) вслед за распространявшимся оттуда христианством (это влияние было поэтому вполне закономерно), но и другое явление: более или менее значительная переработка форм сирийской монументальной архитектуры под углом зрения новых архитектурных задач, которые встали перед зодчими Армении — прежде всего создание максимально объединенного внутреннего пространства. Эта переработка привнесенных художественных замыслов и форм их воплощения — явление исторически не менее важное: оно показывает, что уже на заре средневековья в Армении формировалась своя архитектурная школа со своими архитектурно-художественными принципами. Как видно, к тому времени армянские зодчие успели накопить собственный большой архитектурный опыт и, усваивая близкие им по духу нормы сирийской монументальной архитектуры, создавали на этой общей основе произведения, полные своеобразия и художественной зрелости ⁷⁹.

⁷⁸ Н. М. Токарский. Архитектура Армении IV—XIV вв., стр. 73—74.

⁷⁹ Уже после сдачи в печать настоящей статьи я получил возможность ознакомиться с очень интересной большой работой А. Хачатряна — исследованием раннесредневековой архитектуры Армении (А. *Khatchatrian. L'architecture Arménienne du IV-e au VI-siècle.* Paris, 1971). Одно из приложений к книге посвящено сравнительному анализу армянской и сирийской архитектур (стр. 92—97). В наиболее существенных пунктах наши взгляды совпадают. В архитектуре Сирии (имеются в виду северные районы страны) автор также видит источник вдохновения армянских зодчих V—VI вв. (стр. 92 и 97) и вместе с тем, как и мы, анализирует определенные различия монументальной архитектуры Армении и Сирии. Но в усилении этих различий, в усилении расхождений зодчества Армении и Сирии автор, в противоположность нам, не видит проявления определенного процесса развития и его не прослеживает; в этом, на наш взгляд, — недостаток исследования А. Хачатряна. Положительной стороной его работы является включение в обзор гробничной архитектуры, особенно близкой к сирийской, которой мы, наоборот, почти не касались, акцентирование гражданских источников культовой архитектуры (о чем в нашей статье говорится очень кратко) и сравнительный анализ архитектуры базилик Ереруйка и Русафы (стр. 95—96), убеждающий в том, что Ереруйкская базилика также находит немало параллелей в зодчестве Северной Сирии.